ВОСПОМИНАНІЯ

ДѢТСТВА

Воспоминаніе — минувшаго вранца,
Блеснетъ и озаритъ пройденный нами
путь,
И прожитые дни, и выбывшія лица —
Все тѣни милыя, тѣснятся въ нашу
грудь...
Князь Вяземскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1896

Дозволено цензурою. С.-Пб. 29 мая 1896 г.

I.

1844—1849.

Родился я 14-го ноября 1844 года въ $11^1/_2$ часовъ вечера въ Петербургѣ, въ отцовскомъ домѣ на Фонтанкѣ. Спальной моей матери была угловая комната окнами въ садъ, къ сторонѣ манежа. Принимала меня извѣстная въ то время Чайковская, а врачемъ былъ докторъ Шольцъ. За нимъ послали довольно поздно, такъ что онъ опоздалъ и былъ этимъ очень недоволенъ. Отецъ любилъ разсказывать о неудовольствіи Шольца столь „быстрыми“ родами. Тотчасъ же отецъ принесъ серебряное блюдо, наполненное червонцами, которые тутъ же и были поднесены.

Бабушка моя, Варвара Петровна Шереметева, жила въ то время въ нашемъ домѣ, а также и другая бабушка Екатерина Васильевна Шереметева, сестра дѣда Сергѣя Васильевича. Послѣднял объявила о моемъ рожденіи Татьянѣ Васильевнѣ Шлыковой, жившей тогда въ нижнемъ этажѣ дома, въ прежнихъ комнатахъ дѣда моего графа Николая Петровича. Сколько разъ приходилось слышать отъ Татьяны Васильевны разсказъ о внезапномъ приходѣ Екатерины Васильевны съ извѣстіемъ о моемъ рожденіи! Для семейства и для дома это было событіемъ и радостью. Въ 1843 году скончался старшій братъ мой Николай пяти лѣтъ, скоропостижно, отъ скарлатины. Едва вернулся онъ съ моею матерью изъ-за границы въ Москву, какъ захворалъ и умеръ въ угловомъ домѣ на Воздвиженкѣ. Онъ былъ послѣднимъ въ родѣ. Ближайшими родственниками отца оставались Уваровы и Репнины, потомство родной тетки отца, графини Варвары Петровны Разумовской, дочери графа Петра Борисовича.

Для матери моей, послѣ тяжкаго горя—потери единственнаго сына, рожденіе мое было большою радостью. Отецъ также радовался, и когда по старому обычаю собрались къ нему изъ разныхъ мѣстъ крестьяне съ поздравленіями, меня вынесли на подушкѣ! Крестьяне тутъ же поднесли моей матери драгоцѣнное ожерелье изъ изумрудовъ. Такое же ожерелье изъ бирюзы поднесли ей, когда родился старшій мой братъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна, всегда неизмѣнно любившая мою мать, порадовалась за нее и выразила желаніе быть воспріемницею вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Назначенъ былъ день крестинъ, и Императрица должна была пріѣхать въ нашъ домъ. По нездоровью она не могла выѣхать, но пожелала лично присутствовать на крестинахъ, а потому меня крестили въ Зимнемъ Дворцѣ; таинство совершалъ протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ. Долго еще сохранялась старомодная четырехмѣстная карета на лежачихъ рессорахъ, съ

большими гербами и украшеніями, въ которой меня возили во дворецъ на крестины.

При мнѣ была англичанка Шарлотта Ивановна Рутландъ, рекомендованная моей матери почтенною г-жею Рюминой. Она тотчасъ же переѣхала къ намъ въ домъ. Старшая ея дочь, Анна, замужемъ была за англичаниномъ Рейдгаузомъ; другая ея дочь, Эмилія, жила впослѣдствіи въ семействѣ Брискорна. Сыновья ея, старшій Фридрихъ жилъ въ Сибири, второй Archibald учился въ Медико-хирургической Академіи, меньшой William былъ еще юноша. Всѣ эти имена и лица стали мнѣ близки, такъ часто приходилось слышать о нихъ разсказы. Сама Шарлотта Ивановна была прекрасная женщина, хотя съ характеромъ нѣсколько тяжелымъ и взыскательнымъ, она любила поставить на своемъ и ревностно относилась ко всякимъ вмѣшательствамъ въ дѣтскую; бывали даже пререканія съ моею матерью, но ей многое прощалось ради ея несомнѣнныхъ достоинствъ. Конечно, она была пламенная патріотка и все англійское предпо-

читала всему. Она особенно не любила, когда посторонніе входили въ мою комнату. Отецъ съ нею спорилъ и возставалъ противъ англоманіи. Онъ въ особенности не любилъ, когда меня одѣвали по англійски, съ голыми колѣнами и съ большими бантами.

Первую зиму 1844—1845 г. прожилъ я въ той же комнатѣ, въ которой родился, то-есть, наверху, но на слѣдующую зиму отдѣлили мнѣ три комнаты въ нижнемъ этажѣ, окнами въ садъ, въ которыхъ я и прожилъ до 1859 года. Лѣто 1845 года провели на Петергофской дорогѣ на дачѣ „Ульянкѣ“, гдѣ я жилъ внизу, къ сторонѣ сада; но такъ какъ передъ самыми окнами росли старыя березы (еще Паниныхъ временъ), то въ комнатахъ почти не было солнца, и сырость такъ была велика, что стѣны были мокры. Моя мать не любила Ульянки, находила мѣсто скучнымъ и нездоровымъ; за то отецъ предпочиталъ Ульянку своимъ подмосковнымъ, хотя впослѣдствіи полюбилъ и Останкино. Оно было понятно, потому что здѣсь онъ провелъ все свое дѣтство

и первую молодость, среди многочисленнаго семейства Даноуровыхъ; а въ то время жилось на Ульянкѣ весело. Домъ, въ которомъ мы жили въ 1845 году, былъ еще временъ графа Никиты Ивановича Панина, позднѣе онъ былъ перестроенъ архитекторомъ Корсини, съ сохраненіемъ, по возможности, прежняго распредѣленія комнатъ и даже фасада.

На сколько было возможно, моя мать старалась украсить Ульянку: развела порядочный фруктовый садъ съ небольшимъ садикомъ для меня; она поддержала оранжереи, которыя находились между шоссе и взморьемъ и славились персиками и ананасами. Въ саду разбиты были новыя дорожки, и между ними одна совершенно прямая въ версту, которая вела къ домику, построенному въ лѣсу еще дѣдомъ моимъ Николаемъ Петровичемъ.

Гости наѣзжали довольно часто изъ Петербурга и Петергофа, гдѣ находился Дворъ. Пріѣзжали гостить родные: долгое время жила бывшая воспитательница моей матери, графиня Паскалисъ, постоянно, конечно, пребывала

Татьяна Васильевна, очень любившая Ульянку, жилъ и старикъ Simonin, воспитатель отца, и домашній докторъ, лейбъ-медикъ императора Николая, Эмилій Ивановичъ Рейнгольдъ...

Въ семи верстахъ отъ Ульянки находится Сергіева Пустынь, и тогда, какъ и теперь, она славилась прекраснымъ пѣніемъ и внѣшнимъ благоустройствомъ. Настоятелемъ ея былъ тогда архимандритъ Игнатій (бывшій саперъ Брянчаниновъ). Мать очень любила ѣздить въ Пустынь къ обѣднѣ, и меня туда не разъ возили.

На зиму переѣхали обратно въ Петербургъ, а на слѣдующее лѣто опять въ Ульянку. Комнаты матери были внизу, окнами къ шоссе; на сколько было возможно, она устроилась удобно. Пріѣхали гостить бабушка Варвара Петровна, бабушка Екатерина Васильевна, тетушка Елизавета Сергѣевна.

На слѣдующій годъ моя мать рѣшилась переѣхать въ любимую Москву и пожить въ Кусковѣ.

Въ большомъ нашемъ домѣ на Воздвиженкѣ шли передѣлки, и нельзя было въ немъ оста-

новиться. Раннею весною мы перебрались въ Москву и остановились въ домѣ Варгина, на Тверской, гдѣ и прожили нѣсколько времени до переѣзда въ Кусково. Отецъ остался въ Петербургѣ.

Мать чрезвычайно любила Кусково, въ которомъ жила еще дѣвушкой и почти ребенкомъ вмѣстѣ съ бабушкой Варварой Петровной и со всею семьей. Потомъ провела она лѣто въ Кусковѣ съ покойнымъ братомъ, и благодаря ея пребыванію, запущенное и заброшенное Кусково ожило и украсилось.

Помню, какъ разсказывала Шарлотта Ивановна (я иначе не называлъ ее, какъ Miss-lö или Mi) объ этомъ первомъ пребываніи въ Кусковѣ. Она столько слышала о немъ, что съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда и дорогою въ каретѣ все глядѣла въ окно. Когда поровнялись съ какимъ-то невзрачнымъ домомъ, моя мать шутя сказала Шарлоттѣ Ивановнѣ, что подъѣзжаемъ къ Кускову; лошади дѣйствительно пріостановились, и Шарлотта Ивановна не могла скрыть своего смущенія. За то она

совершенно успокоилась, когда прибыли въ настоящее Кусково.

Зиму 1847 г. опять провели въ Петербургѣ; на лѣто 1848 вновь переѣхали въ Кусково. Не разъ возили меня въ Троицкую Лавру, лѣтомъ и зимою, и живали тамъ по долгу, всегда останавливаясь въ старой монастырской гостинницѣ. Моя мать очень почитала архимандрита Антонія, столь извѣстнаго друга и духовника митрополита Филарета. Когда умеръ братъ мой и моя мать находилась въ ужасномъ положеніи, архимандритъ Антоній много помогъ ей теплымъ участіемъ и молитвами. Кіевскій митрополитъ Филаретъ и Филаретъ Московскій приняли также сердечное участіе въ ея горѣ; послѣдній былъ съ нею въ перепискѣ.

Жили въ то время въ Лаврѣ два старика, которыхъ я помню, хотя и смутно: отецъ Савватій и отецъ Харлампій; послѣдній умеръ раньше и былъ весьма строгой, подвижнической жизни. Отецъ Савватій былъ другомъ всего нашего семейства, весельчакъ и боль-

шой добрякъ, онъ скончался въ пятидесятыхъ годахъ. Еще помню, какъ таскался въ гостинницу юродствующій Филаретикъ съ огромной тяжелой палкой, на концѣ которой былъ большой металлическій голубь. О немъ говорили различно: иные считали его великимъ подвижникомъ и человѣкомъ замѣчательнымъ; другіе смѣялись надъ нимъ. Одѣтъ онъ былъ всегда грязно, терпѣлъ онъ всякія лишенія и униженія, странствовалъ по монастырямъ, но больше бродилъ около Лавры. Въ монастырѣ его не любили и даже изгоняли его. Приходилъ онъ и на Воздвиженку съ своимъ голубкомъ, къ бабушкѣ Варварѣ Петровнѣ, и говорилъ иносказательно, какъ юродивый. Кончилъ онъ однако же тѣмъ, что на пожертвованный какою-то купчихой капиталъ построилъ, съ благословенія митрополита Филарета, церковь близъ скита Геѳсиманскаго, въ рощѣ, на берегу пруда, постригся, сдѣлался іеромонахомъ (уже въ 60-хъ годахъ), устроилъ свой отдѣльный скитъ, раздавалъ всѣмъ приходящимъ деревянные крестики. Передъ смертью онъ былъ заподозрѣнъ

въ какомъ-то темномъ дѣлѣ, но оправданъ и освобожденъ отъ слѣдствій и кончилъ свое поприще мирно въ своемъ скиту, оставивъ добрую по себѣ память. Былъ я у него тогда въ 60-хъ годахъ, и онъ меня узналъ.

Бабушка моя Варвара Петровна жила всѣ эти годы на Воздвиженкѣ въ нашемъ угловомъ домѣ. Кто не зналъ этого дома и гостепріимной хозяйки его? Четыре поколѣнія жило одновременно въ этомъ домѣ: мать бабушки, Марья Борисовна Алмазова, Екатерина Васильевна, Надежда Николаевна, дѣти, внуки и правнуки...

Первыя воспоминанія дѣтства моего относятся, должно быть, къ лѣту 1848 г. Мы жили въ Кусковѣ. Я долго сомнѣвался въ томъ, дѣйствительно ли я могу помнить это лѣто и не смѣшиваю ли я его съ 1849 годомъ, проведеннымъ также въ Кусковѣ? Но въ 1849 г. мы прожили тамъ очень не долго. Затѣмъ я справлялся и провѣрилъ себя; оказалось, что мои воспоминанія вѣрны и относятся именно къ 1848 г., когда мнѣ было четыре года.

Какъ сквозь туманъ вижу я Кусково.

Помню прекрасный лѣтній день, аллею померанцовыхъ деревьевъ, запахъ жасмина; я бѣгалъ передъ домомъ, и меня поразила страшная грозовая туча. Она быстро подвигалась и заслоняла голубое небо; слышу раскаты грома все ближе и ближе; ужасъ овладѣлъ мною, и я побѣжалъ укрыться въ домѣ. Впечатлѣніе этого дня было такъ сильно, что до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ тяжкаго, непріятнаго ощущенія, когда подходитъ гроза. Впрочемъ, все вокругъ меня боялось грозы. Мать зажигала свѣчу, а Шарлотта Ивановна прятала голову въ подушки и столько же боялась грозы, сколько и лошадей.

Еще помнится мнѣ круглая кушетка посреди красной, угловой гостиной Кусковскаго дома. Моя мать сидѣла со мною, и мы разсматривали какія-то коробки съ пастилой; а въ той же комнатѣ въ углу стояли пяльцы, съ клубками разноцвѣтной шерсти и старый дѣдовскій органъ, игравшій менуетъ. Открытый балконъ передо мною съ видомъ на прудъ, и въ памяти у меня живо, какъ подъѣхалъ экипажъ,

а въ немъ сидѣлъ добрый старикъ, сосѣдъ нашъ, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, а съ нимъ его неизмѣнный спутникъ-армянинъ, въ своихъ бѣлыхъ штанахъ, которые онъ носилъ и лѣто, и зиму.

Князь Сергій Михайловичъ часто посѣщалъ мою мать изъ сосѣдняго своего знаменитаго Влахернскаго, Кузьминки то жъ, или, какъ онъ самъ любилъ называть свое имѣніе, „Мельницы“, и обижался, когда говорили: Кузьминки. Отецъ любилъ разсказывать, какъ въ одно изъ посѣщеній князя Сергія Михайловича, когда онъ сидѣлъ съ моею матерью на балконѣ той же красной гостиной, меня позвали и подвели къ нему, но какъ видно не въ добрый часъ. Меня скоро пришлось удалить, чему князь Сергій Михайловичъ много потомъ смѣялся, а отецъ и впослѣдствіи, когда я пріѣзжалъ къ нему въ Кусково, любилъ объ этомъ вспоминать.

Съ ранняго дѣтства я былъ охотникъ до гусей и утокъ, любилъ гонять ихъ въ воду, то въ слободскомъ пруду, то у Перова, гдѣ и

понынѣ уцѣлѣлъ прудъ близъ заглохшаго парка, неподалеку отъ развалинъ стараго дома.

Рыбу кормить ходили къ Голландскому пруду, гдѣ прежде она сзывалась по колокольчику. Въ разрѣзной бесѣдкѣ у Голландскаго дома мать устроила себѣ ванну.

Конечно, очень живо помню свое помѣщеніе. Комната въ два окна съ кроватью въ альковѣ и темнымъ чуланомъ съ израсцовыми печами; нѣсколько семейныхъ портретовъ висѣло надъ кроватью Шарлотты Ивановны. Рядомъ — ея комната съ прострѣленнымъ французами портретомъ прадѣда графа Петра Борисовича. Съ другой стороны была дѣвичья и проходная комната, которая вела въ спальную къ моей матери. Въ оранжерею водили меня очень часто, и старый садовникъ Халдинъ всегда все показывалъ и балагурилъ. Помню, какъ рабочіе съ пѣснями перестанавливали лавровыя и померанцовыя деревья, а тутъ и газонъ спиралью, по которому я всегда бѣгалъ, и цѣлая аллея розъ, пересѣкавшая аллею померанцевъ.

Особеннымъ удовольствіемъ для меня было

сажать утокъ въ кадки съ дождевою водою. У меня были двѣ утки — черная и бѣлая, но первая скоро околѣла къ великому моему горю. Истопникъ Климычъ много возился съ этими утками; онъ былъ забавникъ, и притомъ не всегда трезвый; разъ даже почему-то лазилъ по крышѣ, къ великому моему наслажденію.

Хотя мнѣ и запрещали бѣгать по лужамъ, но меня всегда къ нимъ тянуло, чтобы на сыромъ пескѣ оставить слѣдъ ноги. Смутно помню катаніе въ лодкѣ по пруду въ свѣтлый, солнечный день, тутъ же была и моя мать. Помню, какъ изъ оконъ столовой я видѣлъ приготовленія къ отъѣзду: экипажи, фургонъ, суета на дворѣ, что-то укладывали. Позднѣе мнѣ объяснили, что моя мать ѣздила въ сосѣднюю Берлюковскую пустынь.

Меня всегда радовалъ колокольный звонъ, и теперь люблю его. Сколько разъ стоялъ я у колокольни и слѣдилъ за звонарями! Пруды меня немного пугали. Разсказъ объ утонувшемъ нѣмцѣ Зильманѣ (въ 20-хъ годахъ, когда жила въ Кусковѣ бабушка Варвара Петровна)

на меня очень подѣйствовалъ. Меня особенно привлекали въ домѣ старинные часы съ маріонетками и съ музыкой. И много еще такихъ отрывочныхъ, отдаленныхъ воспоминаній дѣтства сохранилось въ моей памяти, и люблю я вспоминать это „счастливое, невозвратимое“ время.

Зима 1848—49 опять мнѣ припоминается въ Петербургѣ. Помѣщеніе мое состояло изъ трехъ комнатъ, всѣ окнами въ садъ. Спальная въ два окна, гостиная въ три, и комната Шарлотты Ивановны. Чтобы попасть ко мнѣ, нужно было проходить черезъ эту комнату. Рядомъ узкая передняя, съ дверью въ садъ, которая весною всегда выставлялась. Любилъ я очень коверъ моей гостиной—зеленый съ какими-то мелкими цвѣточками. Въ простѣнкахъ между окнами стояли шкапчики съ старинным серебромъ, взятымъ изъ кладовой (кубки, братины и пр.). Въ спальной передъ зеркаломъ стояли часы Louis XVI съ маятникомъ, на которомъ былъ медальонъ Wedgwood, а на стѣнѣ висѣлъ портретъ дѣда Николая Петро-

вича. Въ углу стоялъ кіотъ, а между нимъ и печкою моя кровать. Комната дѣлилась надвое ширмами, комодомъ и шкапомъ для дѣтской одежды. Передъ печкою экранъ, на которомъ вышита была собака. Въ гостиной стоялъ угловой диванъ, на подобіе турецкаго, занимавшій весь уголъ и двѣ стѣны комнаты. Надъ нимъ висѣли гравюры и нѣсколько картинъ Орловскаго. (Эти картины Орловскаго впослѣдствіи пропали безслѣдно). По утрамъ ходилъ я наверхъ, по внутренней лѣстницѣ, прямо въ комнаты къ моей матери; потомъ къ отцу, въ кабинетѣ котораго были, какъ теперь помню, мебель (китайская краснаго цвѣта) и прекрасные часы съ маятникомъ, украшеннымъ стразами, и лѣстница, которая вела внизъ къ нему въ гардеробъ. Въ кабинетѣ матери помню большіе клубки бѣлой шерсти для вышиванья: я очень любилъ играть клубками въ мячики, и мнѣ позволяли въ большой бѣлой залѣ играть съ красными и другими клубками, но бѣлыхъ, которые были въ кабинетѣ матери, мнѣ не давали никогда, а ихъ-то мнѣ и хо-

тѣлось болѣе всего. Комнаты мои я очень любилъ. Каждое утро бывало приходила моя мать и садилась за чайный столъ въ средней комнатѣ подъ картиною съ изображеніемъ англійской охоты и съ надписью: „Grand départ de chasse“. Въ это время приходилъ къ ней поваръ Dusaux съ меню обѣда. Шарлотта Ивановна была охотница покушать, но любила, конечно, болѣе всего англійскія блюда. Сама она по утрамъ готовила тосты („toasts“) изъ поджаренаго хлѣба съ масломъ. По утрамъ приходилъ также почти каждый день Эмилій Ивановичъ Рейнгольдъ (doctor Rinold — какъ англизировала его имя Шарлотта Ивановна). Приходилъ дворецкій Василій Ивановичъ Сивковъ, въ парикѣ, съ неизмѣннымъ краснымъ фуляровымъ платкомъ, позднѣе заходила и Татьяна Васильевна. Одѣвали меня не по русски, какъ покойнаго брата. Въ памяти остались у меня двѣ шляпы: бѣлая съ бѣлыми перьями и темная съ красными перьями, которая мнѣ особенно нравилась. Каждый день возили меня кататься въ каретѣ, и тогда лучшимъ удоволь-

ствіемъ моимъ было переѣзжать черезъ мосты. Любимый мой мостъ былъ Цѣпной, такъ какъ онъ качался, а потому мы часто ѣздили черезъ него и по нѣскольку разъ, что̀ доказываетъ пѣкоторое баловство. Въ садъ выпускали довольно часто, особенно къ веснѣ, и я ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда откроются туда двери.

Московскій домъ нашъ мнѣ также очень памятенъ съ распредѣленіемъ комнатъ моей матери: кабинетъ съ мягкою мебелью гранатоваго цвѣта, помню спальную, какія-то костяныя марки, которыми я игралъ; дѣвичью, раздѣленную перегородкою на двѣ половины; въ одной сидѣла дѣвушка Даша, въ другой Саша, и я не разъ перелѣзалъ черезъ перегородку, но всегда предпочиталъ Дашу, которая была гораздо со мною привѣтливѣй. Помню обѣды въ красной столовой (около моей комнаты), и какъ посылали за мною къ жаркому и показывали гостямъ, сажая на столъ, а я старался двигаться по столу, не трогая стакановъ. Когда все это было, не знаю, какъ и не знаю, когда очутился я зимою въ Троицкой Лаврѣ среди

народной толпы, во время службы въ соборѣ. Такъ было тѣсно, что іеродіаконъ меня на рукахъ пронесъ черезъ толпу и поставилъ около моей матери.

Или вотъ еще мнѣ припоминается выѣздъ изъ Москвы, въ дорожномъ дормезѣ, четырехмѣстномъ, съ сидѣньемъ позади. Моя мать сидитъ на лѣвой сторонѣ, Шарлотта Ивановна направо, а я насупротивъ; около матери дорожный мѣшокъ, малиновый, весь полный. Этотъ дормезъ мнѣ очень памятенъ: не разъ приходилось въ немъ путешествовать. Конечно, самое сильное впечатлѣніе сохранилось отъ послѣдняго путешествія съ моею матерью изъ Петербурга въ Москву зимою 1849 года. Тотъ же знакомый возокъ. Мать съ Шарлоттой Ивановной сидятъ рядомъ, а я, на обычномъ мѣстѣ, спиною къ кучеру; ночью устраивали мнѣ тутъ кровать—очень покойную; надо мною стояли дорожные часы. Тутъ и сѣтка подъ крышей — съ висѣвшими изъ нея баранками. Сзади сидѣлъ буфетчикъ Ермаковъ съ провизіей, которую дорогой подавалъ черезъ не-

большое заднее окно. Дорожный поѣздъ былъ довольно великъ. За нами ѣхали дѣвушки и Аграфена Петровна Соболева—„няня Груша“, какъ звала ее моя мать. Она была ея нянькой и завѣдывала теперь ея гардеробомъ. Въ отдѣльномъ экипажѣ ѣхалъ докторъ, и наконецъ позади всѣхъ тащился тяжелый фургонъ, нагруженный провизіей. Дорога была не легкая и ухабистая отъ множества снѣга, и нашъ возокъ везли шестерикомъ съ форейторомъ. Въ этомъ году какъ-то особенно было много снѣгу, съ трудомъ подвигались экипажи, еле двигались мы, покачиваясь и переваливаясь съ боку на бокъ по ухабамъ къ великому страху Шарлотты Ивановны. Дорога становилась все хуже, снѣгу прибавлялось все больше; не доѣзжая до Валдая, возокъ сильно покачнулся, лошади стали; нельзя было ѣхать дальше. Дорогу совсѣмъ завалило снѣгомъ; рабочіе расчищали путь; по сторонамъ сплошною стѣною стоялъ снѣгъ. Дѣлать было нечего. Кое-какъ выкарабкались мы изъ кареты. Было раннее утро. Другіе экипажи отстали. Къ счастію, мы оказались недалеко

отъ Валдая. Моя мать рѣшилась ѣхать дальше. Взяли мы первыя попавшіяся пошевни въ одну лошадь, меня закутали въ одѣяло и посадили въ сани; моя мать и Шарлотта Ивановна сѣли рядомъ, и мужикъ повезъ насъ въ Валдай. Снѣгъ казался ослѣпительнымъ отъ солнечныхъ лучей, я наслаждался свѣжестью яснаго утра и необычайной обстановкой, и впечатлѣніе это сильно врѣзалось въ мою память. Мать была очень довольна, когда дотащились до Валдая, гдѣ и остановились въ старой гостинницѣ въ ожиданіи нашихъ спутниковъ. Мы хорошо отдохнули, накупили баранокъ въ Валдаѣ и прибыли въ Москву благополучно.

Эта поѣздка подробно описана въ одномъ изъ писемъ моей матери. Въ Москвѣ встрѣтили мы весну и готовились къ переѣзду въ Кусково. Москва въ то время была очень оживлена: все готовилось къ блестящему открытію только-что достроеннаго Николаевскаго дворца; весь дворъ собрался на праздники; московское общество, тогда еще блестящее, готовилось достойнымъ образомъ встрѣтить Го-

сударя и съ нимъ вмѣстѣ отпраздновать радостное событіе. Императоръ Николай на высотѣ своего могущества и славы торжествовалъ знаменательный для него день въ любимой Москвѣ.

Моей матери нужно было ранѣе переѣхать въ Москву, чтобы принять участіе въ празднованіи, а вмѣстѣ и поспѣшить разстаться съ грустнымъ для нея Петербургомъ. Какъ теперь помню ее въ большой желтой гостиной нашего Воздвиженскаго дома, въ придворномъ русскомъ нарядѣ, съ длиннымъ шлейфомъ. Этотъ шлейфъ болѣе всего меня привлекалъ. Мнѣ позволяли на него садиться, и моя мать возила меня по полу... Послѣднее это пребываніе въ Москвѣ продолжалось до мая мѣсяца, когда мы переѣхали въ Кусково. Отецъ разсказывалъ, что незадолго до отъѣзда въ Кусково былъ семейный обѣдъ: за столомъ было тринадцать человѣкъ. Отецъ, всегда обращавшій на это вниманіе, началъ про себя считать. Мать это замѣтила, и ей было это непріятно.

Мы намѣревались провести все лѣто въ Кусковѣ; но Богъ судилъ иначе. Разскажу сначала, что̀ у меня осталось въ памяти отъ этихъ дней, круто измѣнившихъ всю мою жизнь. Когда и какъ переѣхали мы въ Кусково, рѣшительно ничего не помню; живо припоминаю только одну прогулку, очень продолжительную, съ моей матерью по окрестностямъ Кускова; ходили мы очень долго; прошли черезъ какую-то большую деревню, потомъ черезъ лѣсъ и наконецъ вернулись довольно утомленные. Это было въ воскресенье. На слѣдующій день узнаю, что мать не совсѣмъ здорова, и что она будетъ обѣдать отдѣльно у меня въ комнатахъ. Столъ накрытъ былъ въ правомъ углу комнаты Шарлотты Ивановны, близъ окна. Дѣйствительно мы обѣдали вмѣстѣ, чему я очень радовался. Мнѣ сказали, что на слѣдующій день будетъ то же самое, но въ этотъ день моя мать обѣдать не пришла. Далѣе у меня все словно въ туманѣ и неясно; только помню какъ теперь: меня ввели въ спальню матери и поставили у самой постели, стоявшей въ

глубинѣ комнаты, въ альковѣ. Мнѣ показалось, что въ комнатѣ очень темно и лицо матери темнѣе обыкновеннаго. Она была прислонена къ подушкѣ, спиною къ стѣнѣ. Голова моя доходила до ея рукъ, и я все на нее смотрѣлъ: потомъ меня увели. Это было въ послѣдній разъ, что я ее видѣлъ. Вскорѣ послѣ того двѣ тетушки Булыгины, Евдокія Ивановна и Александра Ивановна, нѣсколько дней не отходили отъ меня, какъ бы чередуясь. Я удивлялся, почему меня не пускали къ матери, а потомъ опять все темно,— пока наконецъ не очутился я на маленькой дачѣ въ Петровскомъ паркѣ, и со мною одна Шарлотта Ивановна!

. . . . . .

На самомъ дѣлѣ вотъ какъ приблизительно все было. При переѣздѣ въ Кусково мать чувствовала себя хорошо и радовалась, что могла опять насладиться тишиною въ любимомъ Кусковѣ. Правда, настроеніе ея духа не было веселое. Въ воскресенье 3-го іюня она совершила ту большую прогулку, которая осталась

у меня въ памяти. Она дѣйствительно обошла почти все Кусково, пройдя даже черезъ сосѣднее село Выхино. Во многихъ мѣстахъ было сыро, и она промочила себѣ ноги, такъ что къ вечеру того же дня не совсѣмъ хорошо себя почувствовала. На слѣдующій день ей все нездоровилось. Доктора въ Кусковѣ не было: вызванъ былъ изъ Москвы домашній врачъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Граффъ; онъ ничего не нашелъ особеннаго. Мать рѣшилась не выходить и дѣйствительно въ понедѣльникъ обѣдала у меня. Къ вечеру стало хуже. Болѣзнь начала обнаруживаться и оказалась простудною горячкой. Нашли нужнымъ предупредить о томъ бабушку Варвару Петровну, которая въ то время жила въ Москвѣ на Воздвиженкѣ, и отца. Все семейство встревожилось. Бабушка поспѣшила переѣхать въ Кусково; съ нею переѣхали: бабушка Екатерина Васильевна и дядя Василій Сергѣевичъ съ женою Варварой Павловной и воспитанницей „Baby“. Прочіе были въ разъѣздахъ, въ деревняхъ или за границей. У матери появилась сыпь, и пашли необхо-

димымъ меня отъ нея удалить. Какъ ни желала она меня видѣть, однако же находила эту предосторожность благоразумною. Такъ прошли среда и четвергъ. Всѣ сознавали, что болѣзнь серьезная, но особенной опасности не предвидѣлось. Въ пятницу наступила рѣшительная перемѣна къ лучшему; появился аппетитъ, и на столько больная оживилась, что, казалось, всякая опасность миновала. Бабушка Варвара Петровна рѣшилась уѣхать обратно въ Москву, оставивъ при матери одну Екатерину Васильевну. Отецъ также уѣхалъ. Успокоенная докторомъ Граффомъ, Варвара Петровна не предвидѣла ничего дурного.

Настала суббота 11-го іюня. Съ самаго утра мать чувствовала себя гораздо легче, спросила даже чашку бульона, и съ разрѣшенія доктора ей принесли его изъ кухни. Въ то же утро былъ у нея докторъ Соловьевъ, Алексѣй Яковлевичъ, сынъ Якова Игнатьевича, друга и дядьки дяди Алексѣя Васильевича Шереметева. Онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что мать его приняла, спрашивала о

Варварѣ Петровнѣ и говорила, что ей легче. Когда она дала ему руку, онъ почувствовалъ необыкновенную сухость кожи, что его удивило, но онъ ничего не сказалъ. Бабушка Екатерина Васильевна находилась при матери неотлучно. Послѣ того, какъ она выпила чашку бульона, она разговаривала съ нею и подошла къ окну спальной: оттуда видна была Перовская дорога, видъ на которую моя мать очень любила. Внезапно смутила Екатерину Васильевну перемѣна въ голосѣ у моей матери. Обернувшись, она поражена была внезапною перемѣною и въ ея лицѣ, которое словно потемнѣло.

Мать стала жаловаться на боль въ желудкѣ, сильную боль, точно горѣло у нея все внутри. Екатерина Васильевна немедленно послала за докторомъ въ Москву. Когда боль стихла, наступила необычайная слабость, лицо все измѣнилось. Въ эту страшную минуту Екатерина Васильевна все поняла и, сохраняя полное присутствіе духа, съ твердостью истинно христіанскою, подошла къ моей матери и ска-

зала ей, что ей нужно приготовиться, потому что ей жить осталось очень мало.

„Какъ, неужели такъ скоро?“ сказала моя мать, и первая мысль, первая забота была обо мнѣ. Она жалѣла меня и молилась, и глубоко вѣрующая душа ея поручила меня заступничеству Божіей Матери!

Послали за священникомъ; онъ въ это время служилъ всенощную и только что успѣлъ прочесть Евангеліе, когда за нимъ прислали. То былъ старикъ отецъ Ѳедоръ Зубатовъ, скончавшійся въ 70-хъ годахъ на покоѣ въ Кусковѣ. Исповѣдь продолжалась около получаса, и священникъ говорилъ, что въ жизни не приходилось ему слышать подобной исповѣди. Потомъ она причастилась, въ полномъ сознаніи, простилась со всѣми, просила у всѣхъ прощенія и всѣмъ простила; съ полною покорностью и кротостью ожидала конца, только все молилась за меня. Шарлотта Ивановна сама не разъ мнѣ разсказывала, какъ ее вызвали въ то самое время, когда она готовила мнѣ ванную. Она бросилась въ спальню и увидѣла

мою мать сидящую и прислоненную къ подушкамъ, совершенно блѣдную. Въ 7 часовъ вечера она тихо скончалась...

Дали знать въ Москву. Съ бабушкой Варварой Петровной сдѣлался обморокъ, въ родѣ удара, и ей пустили кровь. Она ничего не подозрѣвала и не въ силахъ была тотчасъ же ѣхать въ Кусково. Ошеломленный пріѣхалъ отецъ. Прибыли наличные члены семьи, Булыгины, докторъ Карлъ Карловичъ Пфель, другъ семейства, доктора Соловьевъ и Граффъ. Когда послѣдніе взошли и взглянули на лицо, по которому уже начали выступать темныя пятна, то Пфель и Соловьевъ переглянулись и обратились съ вопросами и объясненіями къ доктору Граффу, но онъ былъ въ положеніи человѣка совершенно обезумѣвшаго; онъ ходилъ какъ помѣшанный, едва говорилъ, путался, и никакого объясненія отъ него нельзя было добиться.

Мало-по-малу всѣ собрались въ Кусково. Билліардную комнату обили крепомъ и перенесли въ нее мою мать. Народу собралось очень много; однихъ крестьянъ съ окрестныхъ дере-

вепь набралось множество. Всѣ хотѣли проститься и отдать послѣдній долгъ. Мою мать очень любили.

Еще во время ея болѣзни напрашивался къ ней послушникъ Донского монастыря—Зыковъ; его многіе знали въ Москвѣ. Но моя мать его не принимала. Человѣкъ онъ былъ темный. Впослѣдствіи онъ заслужилъ печальную извѣстность убійствомъ княгини Голицыной, за что былъ судимъ и сосланъ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Послѣ кончины матери онъ однако же втерся въ домъ и даже читалъ надъ нею молитвы. Мнѣ разсказывалъ очевидецъ, что во время одной изъ панихидъ этотъ Зыковъ подошелъ къ Екатеринѣ Васильевнѣ и поднесъ ей сливу. Она удивилась и передала эту сливу стоявшему неподалеку Юлію Ѳедоровичу Гренингу, который самъ мнѣ разсказывалъ, какъ эту сливу онъ бросилъ въ окно.

День для похоронъ назначенъ былъ 15-го іюня. Къ этому дню поспѣла изъ Покровскаго тетушка Екатерина Сергѣевна съ мужемъ. Она была тогда беременна и чрезъ два мѣ-

сяца, 19-го августа, родила дочь, которую въ память моей матери назвали Анной.

Съ ранняго утра толпа народу стремилась въ Кусково. День былъ великолѣпный. Пріѣхалъ митрополитъ Филаретъ съ многочисленнымъ духовенствомъ; съѣхались всѣ друзья. Крестьяне на рукахъ понесли гробъ до Новоспасскаго монастыря. Тамъ встрѣтили архимандритъ Агапитъ съ братіею. Отпѣвалъ Филаретъ. Мою мать похоронили въ склепѣ Знаменской церкви, рядомъ съ моимъ братомъ.

Утромъ того же дня посадили меня въ карету и увезли изъ Кускова въ Петровскій паркъ, гдѣ для меня была нанята дача. Говорятъ, что, выѣзжая въ Москву, я замѣтилъ, что около Кускова много народу, и спрашивалъ, не праздникъ ли? Но ничего этого не помню, и я очнулся только въ Петровскомъ паркѣ.

. . . . . .

II.

1849—1853.

Въ жизни моей произошелъ крутой переломъ, и хотя я не въ состояніи былъ отдать себѣ отчета, но смутно понималъ перемѣну и чувствовалъ пустоту вокругъ меня. На вопросы мои о матери мнѣ отвѣчали уклончиво и неясно. Совершенно не помню, когда и какъ узналъ я о ея кончинѣ.

Домикъ въ Петровскомъ паркѣ я помню хорошо; помню даже расположеніе комнатъ. Я жилъ внизу, а въ мезонинѣ приготовлено было помѣщеніе на случай пріѣзда отца; но онъ въ Петровскомъ не жилъ, а только пріѣзжалъ меня навѣщать изъ Москвы. Сильное впечатлѣніе произвели на меня цѣпныя собаки на дворѣ нашего домика, въ которомъ я жилъ съ одною Шарлоттой Ивановной. Бабушка Варвара Петровна навѣщала меня и много мною занималась: учила она всегда, какъ держать

за столомъ ложку, и дѣлала довольно строгія внушенія. Я ее нѣсколько побаивался.

Во время нашего пребыванія на этой дачѣ пріѣхала гостить къ Шарлоттѣ Ивановнѣ ея вторая дочь Эмилія, прямо изъ Ставрополя, гдѣ она жила съ однимъ семействомъ. Она вся была подъ впечатлѣніемъ Кавказа, о которомъ постоянно говорила. Помню, какъ сидѣли мы съ нею вечеромъ у открытаго окна, при свѣтѣ мѣсяца, она восхищалась имъ и вспоминала о Кавказѣ. Она всегда была со мною ласкова, и я къ ней былъ привязанъ. Близъ Петровскаго парка находится село Всесвятское. Почему-то Шарлотта Ивановна очень полюбила это мѣсто и часто меня туда водила; даже къ обѣднѣ мы иногда ходили во Всесвятское. Часто гуляли мы по парку, къ которому я совершенно привыкъ; ходили даже на Ходынское поле, гдѣ тогда были войска. Разъ какъ-то попали мы въ толпу и очутились недалеко отъ многочисленной свиты всадниковъ. Помню страшную пыль и жару, и какъ мнѣ хотѣлось вернуться домой. Во время

пребыванія нашего въ паркѣ былъ я боленъ, и мнѣ прикладывали какія-то зеленыя припарки, очень противныя. Помню Щербатовыхъ, у которыхъ была дача въ паркѣ, и къ которымъ меня возили. Княгиня Зинаида Павловна Щербатова была сестрою тетушки Варвары Павловны Шереметевой. Такъ провелъ я все лѣто, а къ осени переѣхали въ Москву на Воздвиженку, гдѣ я жилъ постоянно въ тѣхъ же комнатахъ, какъ и при моей матери.

Далѣе мои московскія воспоминанія сливаются съ петербургскими. Но лѣто 1850 года я опредѣленно помню на новомъ помѣщеніи въ Сокольникахъ.

Отецъ никогда особенно не любилъ Кускова и не живалъ тамъ; но ужъ послѣ кончины матери и думать нельзя было, чтобы мы туда вернулись. Для меня наняли дачу Лухманова въ Сокольникахъ. Домъ былъ одноэтажный съ небольшимъ садикомъ у самой большой дороги, по другой сторонѣ которой уже начиналась Сокольницкая роща. Небольшая зала раздѣляла этотъ домъ на двѣ отдѣльныя половины;

въ одной изъ нихъ помѣстили меня съ Шарлоттой Ивановной, другая половина оставалась пустою и была приготовлена на случай пріѣзда отца. Дворъ довольно обширный съ конюшнями и отдѣльнымъ домомъ, въ которомъ помѣщалась прислуга. Въ этомъ домѣ помѣстился дядька Яковъ Шалинъ съ женой и дочерью. Со мною былъ въ то время отдѣльный штатъ прислуги: двѣ дѣвушки, Александра Ячейкина (Саша Снѣжкова), Прасковья Шелошенкова, поваръ Брюхоненко (впослѣдствіи извѣстный поваръ князя В. А. Долгорукова) съ помощникомъ, Яковъ Шалинъ (изъ Даноуровскихъ крестьянъ), лакей Арнаутовскій (бывшій выѣздной моей матери, бывавшій съ нею за границей), Иванъ Жарковъ. На той же дачѣ въ одномъ домѣ съ Шалинымъ жила Анна Васильевна Рейдгаузъ (мужъ которой уже въ то время скончался), съ двумя дочерьми, Маріей и Эмиліей, съ которыми я постоянно видѣлся. Рядомъ съ нашей дачей была нанята другая для доктора Граффа и его семейства. Отецъ пріѣзжалъ довольно часто.

Помню, какъ послѣ обѣда любилъ онъ сидѣть на лавкѣ у воротъ; передъ нимъ ставили небольшой столъ, а прислуживалъ Яковъ Шалинъ. Приходилъ и я посидѣть съ отцомъ. Онъ бывалъ тогда въ самомъ благодушномъ настроеніи.

Часто и много ходилъ я съ Шарлоттой Ивановной и внучками ея (Milly-Macha) по Сокольницкой рощѣ, иной разъ заходили мы далеко и проходили ее насквозь. Однажды пробрались мы пѣшкомъ чрезъ Алексѣевское до Останкина То была прекрасная прогулка. Бывали мы въ саду одного изъ сосѣдей старика Шипова,— онъ всегда принималъ насъ очень радушно и до того угощалъ, что даже надоѣлъ Шарлоттѣ Ивановнѣ. Онъ задавалъ пиры, иллюминаціи, фейерверки, на которые всѣхъ приглашалъ, и очень обижался, когда къ нему не пріѣзжали. Шарлотта Ивановна даже прибѣгала къ уловкамъ, чтобы отъ него отдѣлаться. На этихъ праздникахъ онъ угощалъ публику дурнымъ лимонадомъ. За дачею его были сады близъ береговъ Яузы. На одной изъ сосѣднихъ съ нами дачъ былъ небольшой прудъ, на которомъ всегда было много

утокъ. И у насъ на дачѣ ихъ было довольно много. Любилъ я очень гонять этихъ утокъ на этотъ прудъ, при чемъ произошелъ инцидентъ: случайно загнали къ намъ чужую утку. Формальное слѣдствіе обнаружило проступокъ. Гораздо серьезнѣе по послѣдствіямъ было дѣло „о пѣтухѣ“. Не могу умолчать объ обстоятельствахъ дѣла, надѣлавшаго много шуму въ нашемъ маленькомъ околоткѣ.

У жены Шалина былъ пѣтухъ, очень сердитый, которымъ она была вполнѣ довольна. У Анны Васильевны Рейдгаузъ былъ также пѣтухъ, но гораздо смирнѣе. Живя въ одномъ домѣ, оба пѣтуха не могли ужиться мирно, и вражда двухъ соперниковъ закончилась печально для пѣтуха Анны Васильевны, который былъ забитъ и вскорѣ околѣлъ. Шарлотта Ивановна была этимъ очень недовольна и приказала Шалиной продать своего пѣтуха. (Людей она держала очень строго, и всѣ ее боялись, хотя и сочувствовали ей). Жаль было Шалиной разстаться съ своимъ пѣтухомъ, но дѣлать было нечего, и его продали. Въ то же время

принялись искать пѣтуха въ замѣнъ погибшему; скоро узнали, что гдѣ-то по близости таковой продается, купили и привезли его на дачу. Но что же? Въ немъ узнали того самаго, который забилъ пѣтуха Анны Васильевны! Шарлотта Ивановна вообразила, что все это нарочно было подстроено Шалиными и не на шутку разсердилась. Пѣтуха этого немедленно удалили, и долго Шарлотта Ивановна не могла успокоиться, пока не убѣдилась, что все это было дѣломъ слѣпого случая!

На осень опять переѣхали въ Москву. Тутъ память мнѣ измѣняетъ, и я вовсе не помню поѣздки въ Петербургъ. А что мы были въ Петербургѣ, такъ это мнѣ памятно по одному только разговору съ Татьяной Васильевной Шлыковой, никогда не покидавшей сѣверной столицы.

Татьяна Васильевна, родившись въ Москвѣ, покинула ее навсегда еще до пожара 1812 года; послѣднимъ ея московскимъ воспоминаніемъ была коронація Императора Александра I. Какъ ни привязана она была къ Петербургу, въ ко-

торомъ обжилась совершенно, но она гордилась тѣмъ, что родилась въ Москвѣ, гдѣ и протекла ея молодость; любила разсказывать про старое житье въ Бѣлокаменной, въ Останкинѣ и въ Кусковѣ. И для меня Москва съ ранняго дѣтства стала роднымъ городомъ. Разсказы мои про Москву очень оживляли Татьяну Васильевну, которая все сравнивала и вспоминала Москву „до-пожарную“. Однажды въ нашемъ городскомъ саду, въ присутствіи отца, разсказывалъ я о Москвѣ и звалъ Татьяну Васильевну съ собою, —это было не задолго до нашего отъѣзда изъ Петербурга. Ей представлялось подобное путешествіе, въ ея преклонные года, совершенно невозможнымъ.

Въ разговорѣ принялъ участіе отецъ. Мысль о поѣздкѣ Татьяны Васильевны въ Москву ему очень полюбилась, и онъ сталъ ее уговаривать. Могла ли она отказать ему въ чемъ-либо? Здѣсь она тѣмъ охотнѣе согласилась, что мысль опять увидѣть Москву ей была очень утѣшительна. Рѣшено было, что я поѣду съ Шарлоттой Ивановной впередъ. Отецъ поѣхалъ

позднѣе, и съ того времени мы начали поджидать Татьяну Васильевну. Ея пріѣздъ и встрѣча ея въ церкви Знаменія одно изъ лучшихъ воспоминаній этого времени дѣтства. Впослѣдствіи, въ 1860 г., въ той же Москвѣ дожилъ я и до другой встрѣчи, имѣвшей рѣшительное вліяніе на всю жизнь. То было свиданіе съ бабушкой Екатериной Васильевной, послѣ девяти лѣтъ разлуки и отчужденія. Цѣлую зиму прожила Татьяна Васильевна съ нами въ Москвѣ; помѣстилась она въ большомъ домѣ, надъ моими комнатами, окнами къ Шереметевскому переулку. Поѣздка въ Москву была большимъ событіемъ для Татьяны Васильевны; она много и часто любила разсказывать о подробностяхъ дороги, при чемъ не могла нахвалиться своимъ кондукторомъ, который очень за нею ухаживалъ. Москва ее поразила, но никакъ не могла она свыкнуться съ перемѣною. Улицы ее сбивали; многому она удивлялась, но ей нравились новыя зданія, и вообще она была счастлива, что опять увидѣла Москву и могла поклониться всей московской святынѣ. Къ

обѣднѣ ходила она всего чаще въ домовую нашу церковь, Знаменія Божіей Матери, недавно возобновленную усердіемъ моей матери. Въ этомъ древнемъ храмѣ (въ которомъ когда-то были и придѣлы Сергія Радонежскаго и Варлаама Хутынскаго), нѣкогда принадлежавшемъ дому Нарышкиныхъ, нельзя было вовсе служить: митрополитъ Филаретъ освятилъ этотъ храмъ въ 1847 году и сказалъ прекрасное слово.

Давно желала Татьяна Васильевна и давно собиралась она побывать еще разъ передъ смертію въ Кусковѣ. Для нея оно было полно воспоминаній молодости, когда еще ребенкомъ жила она въ домѣ Петра Борисовича, жила спокойно и счастливо съ вѣрнымъ другомъ своимъ, моею бабушкой Прасковьей Ивановной; когда еще блистала она на Кусковской сценѣ и заслужила поцѣлуй Великой Екатерины!..

Заходила ли рѣчь о Кусковѣ, Татьяна Васильевна оживлялась и съ увлеченіемъ разсказывала о прошломъ *), о гостепріимствѣ Петра

*) Ея разсказы я, по возможности, записалъ, но, къ сожалѣнію, уже послѣ ея кончины (1863)

Борисовича, о его праздникахъ и охотахъ и о великолѣпномъ князѣ Тавриды!..

Мы поѣхали вмѣстѣ въ Кусково. Съ нами была и Шарлотта Ивановна. И для меня Кусково уже было дорогимъ воспоминаніемъ прошлаго, и посѣщеніе это, должно быть, первое послѣ 1849 года, осталось у меня живо въ памяти.

Татьяна Васильевна все осмотрѣла, вездѣ побывала, внимательно и съ грустнымъ чувствомъ еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины моей матери; но для нея вдвойнѣ грустно было видѣть родныя ей мѣста и остаться одной съ своими воспоминаніями, уже не въ прежнемъ, а въ оставленномъ, запущенномъ и печальномъ Кусковѣ. . . . . .

. . . . . .

Стоило только перейти Шереметевскій переулокъ, чтобы быть у подъѣзда дома бабушки Варвары Петровны.

Пребываніе наше въ Москвѣ совпало съ празднованіемъ двадцатипятилѣтія царствованія Императора Николая I-го. Дворъ переѣхалъ

въ только-что отстроенный Кремлевскій дворецъ, и начался рядъ празднествъ, о которыхъ я сохранилъ довольно смутное воспоминаніе.

Помню, какъ всегда оказывала мнѣ покровительство фрейлина Прасковья Арсеньевна Бартенева, какъ она привела меня къ окну Грановитой палаты, откуда видно было всѣ шествіе по красному сукну, съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ. Какъ живой представляется мнѣ Императоръ Николай, и вижу, какъ онъ медленно шествуетъ въ Успенскій соборъ, среди несмѣтной толпы народной.

Въ это время въ Москвѣ были: Великая Княгиня Ольга Николаевна и Принцъ Веймарскій, сынъ Великой Княгини Маріи Павловны. Отецъ принималъ ихъ и угощалъ вмѣстѣ съ самимъ Государемъ въ Останкинѣ. Помню блестящую иллюминацію въ Москвѣ, и какъ домъ нашъ на Воздвиженкѣ горѣлъ въ безчисленныхъ огняхъ. Отецъ мой, очень любившій иллюминаціи, самъ распоряжался, все время находясь на широкомъ дворѣ нашего дома. И мнѣ позволено было ходить по двору

и смотрѣть на устройство. При этомъ не могу не припомнить пустого, но довольно страннаго случая. Отецъ любилъ о томъ вспоминать и смѣялся. Въ большія ворота, со стороны Воздвиженки, въ самый разгаръ иллюминаціи, въѣхала на дворъ открытая бричка съ сидящимъ въ ней монахомъ. Онъ очень спокойно окинулъ всѣхъ взглядомъ и, проѣхавшись по двору, выѣхалъ въ другія ворота въ Перемѣтевскій переулокъ. Неожиданное появленіе этого монаха всѣхъ разсмѣшило.

Помнится мнѣ также, хотя очень смутно, разводъ въ Кремлѣ; я глядѣлъ въ окно, и всего болѣе меня поразило, что маленькій Великій Князь, сынъ Наслѣдника, въ мундирѣ, стоялъ во фронтѣ рядомъ съ какимъ-то великаномъ.

Тогда же московскіе дамы и дѣвицы устроили въ честь Государя празднество, на которомъ всѣ должны были одѣться одинаково и на голову надѣть нѣчто въ родѣ шлема. Это была выдумка графини Закревской. Помню такой шлемъ въ рукахъ у двоюродной сестры Вар-

вары Алексѣевны Шереметевой, которая участвовала въ этомъ праздникѣ, впрочемъ совершенно неудачномъ, такъ какъ Императоръ Николай остался очень недоволенъ затѣей. Въ этотъ годъ только-что появились въ свѣтъ двѣ красавицы, подруги—Варвара Алексѣевна Шереметева и княжна Варвара Александровна Щербатова (графиня Мусина-Пушкина и графиня Гудовичъ).

Мы продолжали жить въ Москвѣ, и мнѣ тамъ было очень хорошо. Товарищей моихъ лѣтъ у меня однако же никогда не было, за исключеніемъ двоюроднаго брата Петра Алексѣевича и меньшого его брата Владиміра, который былъ гораздо моложе меня. Впрочемъ, они большею частію жили въ своемъ Покровскомъ и только случайно оставались въ домѣ бабушки.

Меня возили на поклоненіе къ князю С. М. Голицыну въ его домъ на Пречистенкѣ, и къ его сестрамъ, двумъ старушкамъ, изъ которыхъ помню одну, предряхлую, съ зонтикомъ на глазахъ.

Жили они въ нижнемъ этажѣ дома, окнами къ храму Спаса, который тогда былъ весь въ лѣсахъ. У нихъ было много приживалокъ, и помнится мнѣ, карлица, которой я боялся. Въ этомъ же домѣ видѣлъ я и фрейлину Кочетову, когда-то близкую особу къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Княжны Голицыны были старше своего брата.

На дворѣ московскаго дома устроены были ледяныя горы; здѣсь съ двоюроднымъ братомъ Петрушей Шереметевымъ играли мы въ снѣжки.

Изъ двоюродныхъ сестеръ моихъ немного старше меня была Соня (будущая графиня Бобринская). Мы вмѣстѣ бѣгали и скоро сблизились. Родные навѣщали меня часто, да и меня часто водили къ бабушкѣ, къ большой моей радости, потому что тамъ всегда бывало очень весело.

Памятны мнѣ елки въ нашемъ домѣ, которыя отецъ самъ устраивалъ для всѣхъ дѣтей, двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, а также для постороннихъ. Какъ теперь вижу Соню въ бѣломъ платьѣ съ красными кружками. Мы

очень подружились. Елка устраивалась въ большой желтой гостиной. Въ этой комнатѣ стоялъ большой органъ, заказанный моею матерью у извѣстнаго фабриканта Бругера въ Москвѣ. Этотъ органъ принесли уже послѣ ея кончины. Отцу онъ очень нравился. Сколько разъ, бывало, послѣ обѣда отецъ отправлялся въ эту полуосвѣщенную гостиную и, сидя въ халатѣ, слушалъ музыку. Его особенно забавляло, когда и я въ это время приходилъ къ нему и также въ халатѣ садился слушать органъ. Отецъ бывалъ тогда особенно въ духѣ, и его радовало мое присутствіе. Онъ любилъ вообще музыку и пѣніе. Однажды пришли какія-то дамы, и одна изъ нихъ должна была что-то пѣть; въ рукахъ у нея были ноты; она была еще молода, и мнѣ сказали, что то была Александра Григорьевна Мельникова. Часто заходила ко мнѣ особенно во время обѣда Надежда Николаевна Шереметева, въ своей темной рясѣ, съ тростью въ рукѣ и въ шапочкѣ. У меня встрѣчалась она съ Татьяной Васильевной; приходилъ съ Надеждой Николаевной и двоюродный братъ

Володя, баловень семьи; посидитъ, бывало, и вдругъ произнесетъ на распѣвъ: „я хочу домой“, и отправится одинъ въ угловой Воздвиженскій домъ.

Привыкъ я къ моимъ московскимъ комнатамъ, къ тихому Шереметевскому переулку, на которомъ всегда лежалъ чистый снѣгъ, ради малой по немъ ѣзды; изъ окна спальной моей виденъ былъ строющійся храмъ Спасовъ. Тишина прерывалась только, когда собирались передъ Казенной палатой рекруты, и тогда на нашихъ глазахъ происходили раздирающія душу сцены.

Между тѣмъ время шло; уже открылась новая желѣзная дорога, но отецъ не позволялъ мнѣ по ней ѣхать. Предстояло покинуть Москву и на долго. Въ послѣдній разъ отправились мы съ Шарлоттой Ивановной по знакомой старой дорогѣ, которую уже начинали мало-помалу покидать. Эту послѣднюю поѣздку въ Петербургъ совершили мы безостановочно въ три дня. Провожалъ насъ докторъ Куртнеръ, какъ-то особенно не полюбившійся Шарлоттѣ Ива-

повнѣ. Кажется, и Татьяна Васильевна переѣхала въ то же время въ Петербургъ.

Началась совсѣмъ иная для меня жизнь; но долго еще я жилъ воспоминаніями Москвы, съ которою разставался теперь на девять лѣтъ! Лѣтомъ 1852 года переѣхали на Ульянку.

Отецъ не любилъ вообще рано переѣзжать на дачу, такъ что и мнѣ не приходилось перебираться на Ульянку ранѣе іюля. Меня помѣстили съ Шарлоттой Ивановной въ той части дома, которая была отдѣлана, такъ какъ большая часть зданія стояла безъ половъ и съ некрашенными стѣнами. Мнѣ пришлось быть первымъ жильцомъ этого дома. Татьяна Васильевна поселилась во флигелѣ, около оранжереи. Флигель этотъ былъ очень ветхъ, потому что существовалъ еще при прежнихъ владѣльцахъ Ульянки, Паниныхъ, въ прошломъ столѣтіи.

Моей спальной была угловая комната, окнами на дворъ и въ садъ; рядомъ маленькая столовая и гостиная съ мебелью, бывшею нѣкогда въ кабинетѣ моей матери. На стѣнахъ висѣли два вида, масляными красками,

Останкина и Кускова, работы Подключникова, а въ гостиной портреты: королевы Викторіи и принца Альберта, что́ было очень пріятно Шарлоттѣ Ивановнѣ. Къ этимъ портретамъ нашли нужнымъ прибавить портретъ Императора Николая и Императрицы Александры Ѳеодоровны въ молодости.

Какъ ни печально было это пребываніе на Ульянкѣ, все же первый этотъ годъ, проведенный съ Шарлоттой Ивановной, былъ лучшимъ изъ цѣлаго ряда печальныхъ годовъ моей жизни на Ульянкѣ. У меня была пара маленькихъ лошадей, еще выписанныхъ моею матерью. Ихъ перевели на Ульянку съ конюхомъ Чебоксаровымъ.

Хотя и продолжались прежніе порядки, и жилъ я въ одной комнатѣ съ Шарлоттой Ивановной, но уже готовилась новая рѣзкая перемѣна въ моей жизни.

Первое сильное горе, мною сознательно испытанное, было неожиданное извѣстіе о томъ, что Шарлотта Ивановна должна меня покинуть, и что на мѣстѣ ея будетъ гувернеръ французъ

Руже (М-г Rouget); я сильно плакалъ. Я понималъ, что съ Шарлоттой Ивановной прекращается послѣдняя связь съ прошлымъ, что должно начаться что-то новое и невѣдомое. Руже переѣхалъ въ Ульянку, но еще не окончательно; онъ началъ давать мнѣ уроки, но мнѣ онъ тогда не нравился, и я долго не могъ къ нему привыкнуть. Осенью все было рѣшено. Пріѣзжаетъ къ намъ Матрена Филипповна Сивкова, словоохотливая старушка, жена дворецкаго Василія Ивановича. Она-то первая проговорилась, что мнѣ предстоитъ разлука съ Шарлоттой Ивановной. Мнѣ стало невыразимо тяжело, Только тогда я вполнѣ почувствовалъ мое одиночество. Добрая Шарлотта Ивановна поддерживала связь съ моей семьею и своимъ присутствіемъ напоминала все прошлое.

Опять все должно было измѣниться. Даже и квартира моя въ Петербургѣ была замѣнена; мнѣ дали другое помѣщеніе, гдѣ прежде была дѣвичья, комнаты окнами на дворъ. Туда меня перевели по пріѣздѣ въ Петербургъ, а Шарлотта Ивановна переѣхала во флигель у рѣшетки дома,

гдѣ она поселилась съ дочерью и двумя внучками; я остался съ Руже и дядькою Шалинымъ. Жутко, грустно и одиноко было мнѣ въ этихъ новыхъ, чуждыхъ для меня комнатахъ. Я убѣжденъ, что сильное нравственное потрясеніе повліяло на здоровье: я скоро простудился долго перемогался, и наконецъ болѣзнь разразилась сильной горячкой и тифомъ... Мнѣ было тогда семь лѣтъ.

Положеніе становилось все болѣе и болѣе опаснымъ. Докторъ Эмилій Ивановичъ Рейнгольдъ нашелъ нужнымъ предложить консультацію. Пригласили дѣтскаго врача Д. Вейса и лейбъ-медика Венцеслава Венцеславича Пеликана, друга Рейнгольда, Всѣ трое внимательно слѣдили за ходомъ болѣзни. Впрочемъ въ уходѣ недостатка не было: Шарлотта Ивановна тотчасъ же вернулась ко мнѣ и не отходила отъ кровати; Татьяна Васильевна также постоянно была со мною. Меня перенесли въ другую комнату, а болѣзнь все развивалась, и положеніе становилось почти безнадежнымъ. Отецъ былъ въ тяжкомъ положеніи и не хотѣлъ вѣрить, что опас-

ность такъ близка. Доктора давали мнѣ мускусъ для поддержанія силъ. Тогда отецъ пожелалъ, чтобы подняли икону Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости, которую онъ особенно почиталъ, какъ и бабушка моя Прасковья Ивановна. Подняли изъ Петропавловской крѣпости и мощи св. Іакова Персіянина. Меня благословили иконою Всѣхъ Скорбящихъ. Въ бреду и въ безпамятствѣ мнѣ однако же ясно помнится та минута, когда принесли икону. А между тѣмъ болѣзнь дошла тогда до полнаго развитія: меня посадили въ горячую маслянистую ванну и обвертѣли въ простыни, и началъ медленный переходъ къ лучшему.

Я и не подозрѣвалъ, что въ болѣзни моей принимали большое участіе. Родные постоянно слѣдили изъ Москвы, хотя переѣхать имъ было не возможно; многіе въ Петербургѣ, знавшіе мою мать, справлялись обо мнѣ, иные изъ простого любопытства, чтобы узнать, чѣмъ кончится болѣзнь. Особенно живое участіе принимала принцесса Ольденбургская, уже до того благосклонно пріютившая меня въ своемъ гостепріимномъ домѣ.

Добрая Прасковья Арсеньевна Бартенева неизмѣнно также слѣдила за мною, наконецъ сама Императрица Александра Ѳеодоровна пріѣзжала къ нашему дому и вызывала Руже для личныхъ объясненій. Она не разъ справлялась обо мнѣ и до конца жизни своей мнѣ неизмѣнно покровительствовала. Изъ родныхъ въ Петербургѣ былъ только дядя Сергѣй Сергѣевичъ; въ эту зиму онъ лишился своей первой жены, Варвары Петровны, рожденной княжны Горчаковой.

Началось медленное выздоровленіе. По мѣрѣ того, какъ возвращались силы, появился аппетитъ, истинно волчій, какъ всегда бываетъ послѣ такихъ болѣзней. Доктора строго запрещали давать больше, чѣмъ было указано. Шарлотта Ивановна отъ меня не отходила; Татьяна Васильевна каждый вечеръ читала молитвы и крестила меня, заканчивая молитвою: „Да воскреснетъ Богъ“. Мало-по малу стали допускать и посѣтителей. Приходили дядя Сергѣй Сергѣевичъ, Иванъ Ѳедоровичъ Апрѣлевъ, наконецъ, мнѣ позволили встать и дойти до дивана. И. Ѳ. Апрѣлевъ любилъ шутить съ

Шарлоттой Ивановной, и постоянная его шутка была: „Doctor Pelikan is a very good man and Doctor Weiss is not very nice". „And Doctor Rinold", подсказывала Шарлотта Ивановна,— „is very bold!" На самомъ дѣлѣ спеціалистомъ для дѣтскихъ болѣзней въ то время былъ Вейсъ, которому я и особенно обязанъ.

Зима 1852—1853 была опасная: холера свирѣпствовала довольно сильно. Вскорѣ послѣ моего выздоровленія умерла отъ нея Анна Васильевна Рейдгаузъ, а вслѣдъ за нею скоропостижно скончалась сама Шарлотта Ивановна. Это была большая для меня потеря, большое горе. Я былъ очень счастливъ, что пришлось, ради моей болѣзни за это послѣднее время, опять пожить съ нею вмѣстѣ.

Отнынѣ начинается новая для меня жизнь, въ иной обстановкѣ и при другихъ условіяхъ. Но прежде чѣмъ разстаться съ этимъ временемъ, не могу не припомнить двухъ счастливыхъ неизгладимыхъ для меня событій.

Нѣжная заботливость обо мнѣ Прасковьи Арсеньевны Бартеневой началась вскорѣ послѣ

кончины моей матери, съ которою она была дружна, будучи вмѣстѣ съ нею при дворѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны фрейлиной. Съ именемъ ея связанъ незабвенный для меня пріемъ Императрицы.

Другое свѣтлое воспоминаніе — это первое посѣщеніе дома Принца Ольденбургскаго, когда со всѣми дѣтьми его изъ окна любовался я необычнымъ для меня зрѣлищемъ—майскимъ парадомъ. Съ того дня Принцесса приняла меня подъ свое неизмѣнное покровительство, и домъ ея сдѣлался для меня роднымъ. Многаго лишился я, но съ 1853 года свѣтлой стороной моей Петербургской жизни была крѣпкая связь съ этимъ домомъ...

Съ 1853 года и по выздоровленіи моемъ, когда переѣхали на Ульянку, начинается уже совсѣмъ иное для меня время... Я простился съ моимъ дѣтствомъ.

Графъ Сергій Шереметевъ.

Михайловское.
1894.